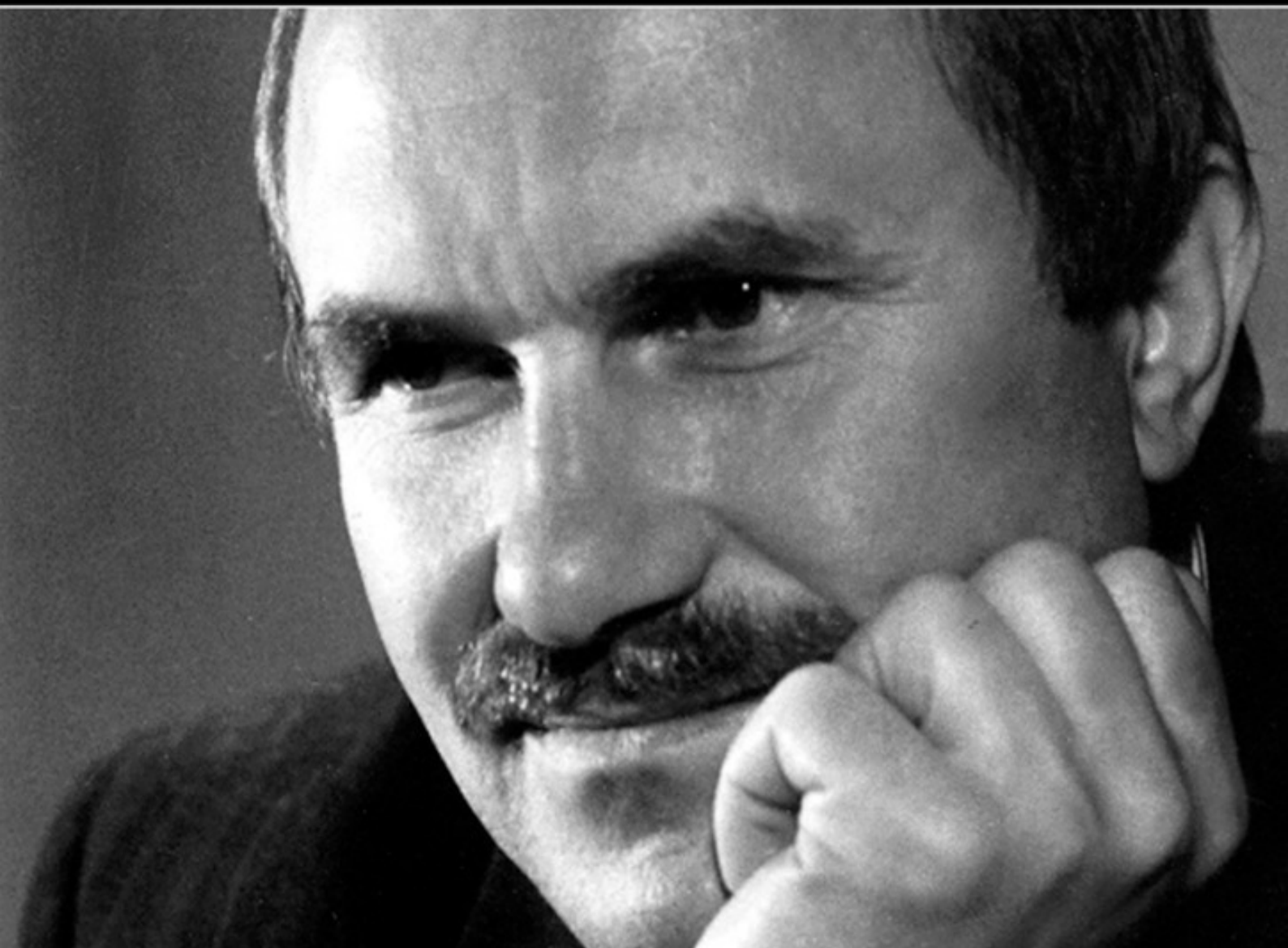

Петр Алешкин

Победитель

Пьеса и киносценарии

Петр Алешкин

**Победитель. Пьеса
и киносценарии**

«Издательские решения»

Алешкин П.

Победитель. Пьеса и киносценарии / П. Алешкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834259-2

В произведениях Петра Алешкина всегда острые ситуации, конфликты неожиданными поворотами, поэтому критики считают, что он привнес в русскую литературу новый прием — поток действия. В книгу включены пьеса «Время великой скорби», которая в 2009 году была признана лучшей пьесой года по версии журнала «Русский переплет», и два киносценария: «Победитель» и «В тамбовской степи».

ISBN 978-5-44-834259-2

© Алешкин П.
© Издательские решения

Содержание

Время великой скорби	6
Действие первое	7
Сцена 1	7
Сцена 2	11
Сцена 3	11
Сцена 4	13
Сцена 5	17
Сцена 6	19
Сцена 7	20
Сцена 8	21
Сцена 9	23
Сцена 10	24
Действие второе	30
Сцена 1	30
Сцена 2	30
Сцена 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Победитель
Пьеса и киносценарии
Петр Алешкин**

© Петр Алешкин, 2016

ISBN 978-5-4483-4259-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Время великой скорби

Трагедия в 2-х действиях

Действующие лица

Анохин Егор Игнатьевич – красноармеец в отпуске, 20 лет.

Настя – невеста Егора, 18 лет.

Чиркунов Михаил Трофимович – секретарь партячейки села, 21 год.

Маркелин – командир продовольственного отряда, 27 лет.

Максим – комиссар продотряда, 23 лет.

Антонов Александр Степанович – легендарный руководитель «Антоновщины», 31 год.

Отец Александр – деревенский священник, отец Насти, 40 лет.

Анохин Игнат Алексеевич – отец Егора, крестьянин, 45 лет.

Анохина Мария Петровна – мать Егора, 43 лет.

Анохин Николай Игнатьевич – старший брат Егора, 24 лет.

Анохина Любовь Ивановна – жена Николая, 21 год.

Ванятка – младший брат Егора, 15 лет.

Шавлухин Андрюшка – друг Ванятки, 15 лет.

Попадья, мать Насти – 40 лет.

Крестьяне, бойцы продотряда, бойцы боевой дружины Антонова.

Действие первое

Сцена 1

Февраль 1920 года.

Утро. В избе Игната Алексеевича Анохина готовятся к завтраку. На столе чугунок с пшениным кулешом. Хозяин сидит за столом и режет ножом круглый черный хлеб большими ломтями. В большой густой бороде его видна седина. Хозяйка Мария Петровна раскладывает на столе алюминиевые чашки, деревянные ложки. Старший сын двадцатитрехлетний Николай возле судника моет руки над лоханкой. Воду льет ему на руки из кружки брат Ванятка. Сноха Любаша укладывает в люльку, висящую возле сундука, своего пятимесячного ребенка, поправляет его бережно в люльке.

Л ю б а ш а (воркует нежно над люлькой с ребенком): Лежи, лежи... Гнатик, ты наелся, теперь нам пора... (качает люльку и тихонько запевает) Баю-бай, засыпай, глазки закрывай... Молодец, Гнатик у нас молодец. (приговаривает Любаша и отходит от качающейся люльки, смотрит в окно), Ой, идет кто-то... Боец...

Игнат Алексеевич оторвался от хлеба, повернулся к окну. Николай, вытирая руки утиркой, тоже глянул в окно. Дверь в избу распахивается, и высокий юный красноармеец в шинели с широкими красными полосами на груди и буденовке появляется на пороге.

М а р и я П е т р о в н а (вскрикивает радостно): Егорша! (кинулась к сыну, обхватила его руками).

Е г о р (уронив на порог заплечный мешок, обнимает мать): Мам, раненый я... не шибко жми...

Отец, братья, радостно окружают Егора.

Н и к о л а й: Здоров, здоров!

И г н а т А л е к с е е в и ч: Да-да, выше отца стал. (Помогает сыну снимать шинель). Прямо к столу попал... Откуля шел, из Борисоглеба?

Е г о р (отстегивает шашку): Не, из Мучкапа, в Балашове в госпитале лежал.

Шашку у него из рук тут же выхватил брат Ванятка, отбежал с ней к сундуку и стал осторожно вытягивать ее из ножен.

И г н а т А л е к с е е в и ч: А ранило тебя куда?

Е г о р: В грудь. Клок мяса осколком выдрало. Заживает...

В а н я т к а (разглядывая шашку): Смотрите! Тут написано «Егору Анохину за храбрость... Туха... Туха...

Н и к о л а й: Тихо! Гнатика разбудишь! Дай-ка сюда. (Он взял шашку у брата, вытянул наполовину лезвие и прочитал вслух): «Егору Анохину. За храбрость! Командарм Тухачевский!»! Молодец – храбрец! А я у Буденного был...

И г н а т А л е к с е е в и ч: Ну, за стол, за стол! Потом наговоримся. В кои-то веки всей семьей собрались. Привёл Господь! (Крестится на иконы). Марусь, ради встречи сына с фронта можно и по стаканчику. Хоть и утро – Бог простит.

Егор (заглядывая в люльку): У нас пополнение?

Николай: Сын... Гнатик.

Игнат Алексеевич: Давайте за стол, за стол!

Рассаживаются за столом, разбирают ложки, ломти хлеба и начинают есть.

Игнат Алексеевич: А когда выздоровеешь, опять на фронт?

Егор: Видно будет, может, в уезде кем пристроят. Я ведь теперь партийный... Коммунист. Эскадронкомандовал.

Игнат Алексеевич: А тут тобой Мишка Чиркун командовать будет...

Егор: Мишка? Чиркун? Почему он? Разве он не на фронте?

Игнат Алексеевич: Списали с фронта. Подчистую...

Мария Петровна: Говорят он увольнительную у военкома в уезде купил.

Игнат Алексеевич: Мало чего говорят. Мы рядом не были... У нас в Масловке партячейка образовалась, и Мишка в ней верховодит. Все с председателем сельсовета Докиным меряется: кто из них главней на селе. Молодой, а шустрый, не в отца, тот смирный, а этот в деда с материнской стороны пошел. Тот чумовой был, всё деревню булгачил, пока на каторгу не сослали...

Николай: Он, Чиркун-то, к невесте твоей сватался.

Егор: К Настеньке?

Николай: К ней. К кому же еще... Но ты не волнуйся, не отдал дочку поп, на ворота указал.

Егор: А Настенька?

Николай: Что Настенька? Тебя ждет, даже на масленицу на гулянках не была...

Егор молча перевел взгляд на отца.

Игнат Алексеевич: Пойдем, пойдем мы свататься... мы уж с отцом Александром заводили разговор, он не против. Ровней считает: он – поп, а я комиссаром был в Масловке при Керенском... В воскресенье пойдем... А то из под носа девку уведут... Но сперва обговори с ней сам, а то придем, а нам от ворот поворот.

Егор: Так я прямо сейчас к ним сбегая.

Мария Петровна: Ну да, прям сейчас вскочишь и помчишься людей булгачить. Ешь, успеешь...

Вдруг на улице песня взвилась. Егор не донес ложку до чашки с кулешом, замер, прислушался. Молодой озорной голос чисто и звонко выводил:

Тигры любят мармелад,
Люди ближнего едят.

А дальше с присвистом, с посвистом лихим, разухабистым: видно, не один был певун.

Ах, какая благодать
Кости ближнего глотать!

И подхватили дружно, ахнули, рванули на всю деревню задорные голоса:

Э-э-эх, рыбина-соломина,

Это все хреновина! Эх-ха-ха!
Елки-моталки
Получай по палке!

Егор (недоуменно): Что за ар-харовцы?

Игнат Алексеевич: Троцкий идет... Не дай Бог, остановятся... Хучь бы в другую деревню...

Мария Петровна (крестясь): Господи, царица небесная! Николай Угодник, пронеси и помилуй!

Егор: Почему Троцкий?

Игнат Алексеевич: Продовольственный отряд имени Троцкого... Маркелинская песня, черт бы его побрал. Не надо и беса, коли Маркелин здесь. Прости меня Господи! (перекрестился размашисто).

Николай: Его комиссар Максим страшнее самого Маркелина будет. Змий!

Егор (у отца): А ты всё в сельсовете?

Мария Петровна: Я ему каждый день твержу: выйди, выйди из сельсовета, неча тебе там делать...

Игнат Алексеевич: Выйдешь, хуже будет. Врагом сочтут...

Мария Петровна: А так они тебя другом считают? Знают теперь, знают, кто «Мирской приговор» писал. Ты б его хучь спрятал подальше! К бабе Грушке отнеси, к ней не пойдут. А к нам припрутся, разыщут... и разговор короткий, по этапу или пулю... Они на руку скоры, спорить не будут.

Егор: Что за «Мирской приговор»?

Игнат Алексеевич (неохотно и хмуро): Собрались мужики, написали жалобу. На сходе принять хотят – и в Москву... Жить немоготу стало, подчистили весь хлеб до зернышка, того и гляди до крапивы не дотянешь, с голоду пухнуть začнешь.

Стук в окно, крик: Игнат Алексеич, в сельсовет требуют!

Игнат Алексеевич: Не пронесло! (хмуро крикнул и поднялся).

Семья тоже стала вылезать из-за стола.

Мать, убирая со стола чашки-ложки тревожно поглядывала на мужа.

Игнат Алексеевич: Не гляди, вернусь.

Мария Петровна: Откажися от Совета, некогда, скажи, хвораешь. Сил нету...

Игнат Алексеевич: Хватит. (Он притопнул ногой, забивая глубже валенок в галошу. Нахлобучил шапку и направился к двери, но у порога обернулся, глянул на Егора, на Николая): Ежли на сход звать будут, неча ходить. Я – там! Ты, Николай, вершой займись, сходи в ветла, прутьев нарежь! (уходит).

Егор (матери): Напоить скотину? Ай рано?

Мария Петровна: Ступай.

Ванятка: Егорша, можно я еще шашку посмотрю?

Мария Петровна: Неча! Игрушку нашел! Нама-шешься еще, никуда не дениси!

Егор: Мам, а Чернавка ожеребилась?

Мария Петровна: Месяц назад жеребчика принесла.

Егор: А Майка? Что-то теленочка не вижу.

Мария Петровна: На днях отелится, припозднилась... Ничего, дождемся, потерпим.

Андрюшка Шавлухин (влетая в избу): Егорша, ты? Здорово, когда приехал-то?

Егор: Только что.

Андрюшка: Подчистую?

Егор: В отпуск. Ранен.

Ванятка: У него сашка от Тухачевского. Так и написано: за храбрость!

Егор: Сиди, сашка.

Андрюшка: Покажи.

Егор: Ты чего такой возбужденный?

Андрюшка: Там весь народ попер к церкви, на сход. Маркелин сзывает. Пошли туда!

Ванятка: погоди, скотину напоим, и пойдем...

Мария Петровна: Отец что сказал? Сидеть дома... Ай неслухи? Слова отца для них как сорочий ор...

Егор: Мам, чего ты сердишься? Можно мне на народ посмотреть, ай нет? А Ванятка? Так без него сход не сход. Слово его будет решающим... Я, можа, там Настеньку встрену... Николай дома будет.

Мария Петровна: Ну, смотри, ты не лезь там... Слухай, а не суйся. Маркелин-то враз стрелнёт. Для него стрелнуть в человека, как плюнуть. Надыся приехал, выпорол Серегу Кирюшина да Митьку Булыгина. Не по ндраву ему высказались... Не суйся...

Андрюшка: Маркелин страшно злой приехал... Сразу всех советчиков арестовал...

Мария Петровна: Каких советчиков? За что? А Игнат?

Андрюшка: И дядю Игната арестовал... Весь сельсовет запер в сарай Гольцова. Говорят, это он просто пострашать решил, чтоб народ смирнее был.

Егор снял с гвоздя у двери шинель с широкими красными полосами на груди, буденовку. Ванятка с Андрюшкой отошли к сундуку, стали разглядывать шашку.

Николай: Вы идите туда, посмотрите, что там за шутки, а я скотину напою. Потом пойду прутьев нарежу для верши, да кошелки две надо сплесть. Гуси скоро нестись зачнут... Ты к Насте-то зайди по пути, объявись. Обрадуй деву!

Егор: Неудобно как-то, вдруг отец дома, я вечером вызову.

Николай: Зайди сейчас, зайди... Не пойму я только... Отец Александр Настю без венчания не отдаст. Это точно. В церковь придется идти.

Егор: Пойду.

Николай: Ты же коммунист. Вам нельзя...

Егор: Ради Насти я на все пойду!

Николай: Значит, коммунист ты липовый. У нас в части комиссар говорил, что за честь партии любой коммунист с радостью голову сложить. И ложили, сам видал...

Егор: Дак и я б сложил, там, на фронте. Кровашки-то своей, немало пролил. Надо будет, еще пролью... Но Настенька... Настя совсем другое, тут меня лучше не трогать. За нее я самому Троцкому в миг горло перехвачу!

Мария Петровна: Ты такими словами не бросайся!

Егор: Это я к слову...

Ванятка (подходит с шашкой): Мы ее с собой возьмем?

Мария Петровна: Оставьте дома... от греха подальше... Неча там с ней делать!

Ванятка (Егору): Мы с Андрюшкой поклялись в вечной дружбе, чтоб с нами не случилось, где б мы не были, а друг за дружку горой! Мы даже кровью обменялись, как в книжках написано.

Егор: Это как же вы обменялись?

Ванятка: Я разрезал, вот тут, руку, (показал он руку) видишь шрамик, и Андрюшка тоже на своей руке, и приложили рану к ране. Моя кровь перешла к нему, а его ко мне. Теперь мы кровные братья...

Мария Петровна: Ой, дураки, выросли дылдами, а разум детский...

Егор (Ванятке): Молодцы, вдвоем легче жить... Ну, пошли. Только вы ступайте к церкви, а я на минутку загляну к отцу Александру.

В а н я т к а: Так он в церкви, должно.

Е г о р: Мож, дома... (выходят из избы).

Сцена 2

Дом деревенского священника. Прихожая. Входит Егор. Из горницы навстречу выскакивает Настя и бросается ему на шею. Обнимаются, стоят. Егор целует ее в щеки.

Н а с т я (шепотом): Мама дома... мама увидит...

Е г о р: Пусть... пусть... отец сказал – в воскресенье свататься придем. Он с отцом Александром договорился уже...

М а т ь Н а с т и (из горницы): Чой-та ты так выскочила? Кто-то пришел?

Н а с т я (отпрянув от Егора): Я думала, у нас дверь закрыта, открыть хотела...

М а т ь (входя в прихожую): Кто это?.. Ой, Егорша! С фронта? Насовсем?

Е г о р: Из госпиталя... В отпуск, ранили маленько.

М а т ь: Потом опять на фронт?

Е г о р: Военком решит, мож, в Тамбове оставит...

М а т ь: Ты проходи, садись (указала попадья на скамейку у стола).

Е г о р: Я на минутку... Отец Александр дома?

М а т ь: В церкви. Видал там, что твориться... Житья совсем не стало. Изживают. Хоть уезжай из села. Охо-хо-хо!

Е г о р (Насте): Ты не пойдешь туда?

М а т ь: Неча ей там делать.

Е г о р: Я схожу. Посмотрю, что там делается... Говорят, Маркелин весь сельсовет арестовал. Надо узнать... До свидания, Екатерина Алексеевна!

М а т ь: Будь здоров, будь здоров... Ой-ёй-ёй, что творят... Никакого закона нет для них: ни Божьего, ни человеческого.

Егор (Насте шёпотом): Как стемнеет, я приду к колодцу, выходи! (Уходит).

Сцена 3

Сельская церковь. Отец Александр выходит из алтаря и направляется к конторке, на которой лежит раскрытая Библия. В церковь входит комиссар продотряда Максим в черной куртке с саблей и револьвером в кобуре на поясе. Папахи не снимает, не креститься, бегло окидывает взглядом церковь, поднимает голову, смотрит на изображение бородатого Бога на куполе.

М а к с и м (с добродушной усмешкой): Похож, очень похож!

О т е ц А л е к с а н д р (берет Библию с конторки): На кого похож?.. Голову обнажи, в церкви находишься...

М а к с и м (не снимая папахи): А вот глянь! (достает из бокового кармана несколько карточек с портретами мужчин и показывает с улыбкой одну, где изображен бородатый Карл Маркс, отцу Александру): Правда, похож?

О т е ц А л е к с а н д р: Кто это?

М а к с и м: Как? Разве не знаешь? Наш бог – Карл Маркс. Неужто не слышал?

О т е ц А л е к с а н д р: Слышать слышал, но вижу впервые...

М а к с и м: Теперь он станет богом России, а потом и всего мира!

Отец Александр: И как же он им станет?

Максим: Тем же путем, что и Иисус... И веру в Христа народы Руси не сразу приняли. Вспомни, как святой князь Владимир гнал народ в Днепр крестить. Вспомни, как он огнем и мечом крестил Русь, сколько народной кровушки пролил, чтоб веру Христову утвердить на Руси, сколько десятилетий князья вбивали в головы людей христианскую веру. Вбили все-таки, поверил народ. Поверил в Христа, поверит и в Маркса.

Отец Александр: Не остановитесь и перед огнем и мечом?

Максим: Не остановимся. Иначе нашу веру народ не примет. Мы тоже понимаем, что без крови и за один день народ не перейдет в нашу веру, не поверит в нашего бога. Что ж, будем учиться у святого Владимира... Там, (указал на купол), – наш художник подправит немножко по портрету Карла Маркса, а на иконостас вместо Христа поместим портрет Энгельса. Христос и Бог едины по вашей вере, а у нас – Маркс и Энгельс едины! Вместо Петра и Павла повесим портреты Ленина с Троцким...

Отец Александр: И кто же из них Петр, а кто Павел?

Максим: Ленин, конечно, Петр. Он всегда был с Марксом-Энгельсом. А Троцкий раньше против Ленина выступал, зато теперь он яростно борется за идеи Маркса. Павел-то ваш тоже сперва против Иисуса шел, а потом принял его веру... Всех ваших апостолов заменим нашими апостолами: Свердловым, Бухариным, Рыковым, Каменевым, Зиновьевым...

Отец Александр (перебивая): А Божью Мать кем замените?

Максим: Да, это вопрос... Может, Крупской.

Отец Александр: Какая же она мать? Она бездетная...

Максим: Значит, возьмем Инессу Арманд, у нее детей много... Заменим кем-нибудь. Свято место пусто не будет... А это кто убогонький такой? (указал на икону Серафима Саровского).

Отец Александр: Преподобный Серафим Саровский.

Максим: Мы его на Калинина заменим... Он такой же убогонький.

Отец Александр: Кто же пойдет в такую церковь?

Максим: Народ пойдет. Народ! Церковью храм зваться больше не будет. Назовем мы его «Народный клуб» или «Народный дом». Поставим вот тут скамейки, народ отдыхать должен после трудового дня... Только русские не присели перед своим Богом, часами службу выстаивали. А перед нашим богом сидеть можно. За это нам трудовой народ спасибо скажет. Согласись, хорошо посидеть, отдохнуть после тяжелой работы...

Отец Александр: Подремать.

Максим: И подремать, восстановить силы тоже неплохо.

Отец Александр: И какие же молитвы читать вы будете здесь?

Максим: Молитвы мы упраздним... Читать ты будешь здесь произведения Маркса, Энгельса, товарищей Ленина, Троцкого, вперемежку со стихами Бедного, Горького, Маяковского. И зваться ты не будешь больше ни попом, ни отцом Александром, а более скромно – агитатором...

Отец Александр: При чем здесь я?

Максим: Кто-то должен народ агитировать, звать к новой жизни, разъяснять ему нашу веру. Ты ведь образованный, народ тебе верит. А народ, как ты хорошо знаешь, без веры не может. Без веры, без кнута он скотом становится, зверем. Так пусть он верит в светлое будущее на земле, а не на небесах, верит в Маркса, следует за его апостолами, а такие, как ты, будут направлять его по нужному пути. А путь этот указывать будем мы!

Отец Александр: Пути у нас с вами разные... Никого, никогда не буду направлять я по вашему пути. Ваш путь ведет к антихристу, а я всю жизнь звал и буду звать народ к Спасителю.

М а к с и м: Бесплодным труд твой был, товарищ Александр. Назови, много ли народу спас твой Спаситель?

О т е ц А л е к с а н д р: Несть числа душам человеческим, которых вывел Христос на праведный путь, а значит, спас их души от вечных мук!

М а к с и м: В этом-то и разница между вашим и нашим богом. Ваш Иисус спасает души человеческие, а наш Маркс спасает тело человека от вечного рабства, от эксплуатации человека человеком. Душа это нечто эфемерное, неосязаемое, невидимое. Никто никогда душу не видел, не встречал. И есть ли она, как доказать? А тело наше всегда при нас, всегда с нами, вот оно, всегда потрогать можно... ушибнешь его, больно – поранишь, страдать начинаешь, мучиться. И пищи наше тело ежедневно требует, и не единожды, а по нескольку раз в день. Если нечем человеку насытить тело, он страдает от мук голода посильнее, пострашней, чем от душевных мук. Отсутствие духовной пищи вынести можно, а отсутствия хлеба невозможно.

О т е ц А л е к с а н д р: Не хлебом единым жив человек! Тело смертно, душа бессмертна. Душу направляет Бог, а тело – дьявол! Значит, вера ваша дьявольская, и бог ваш – дьявол! Всю свою жизнь я старался бороться с дьявольской сущностью в человеке, старался указывать своим прихожанам путь к Богу, старался вести их к спасению души. На крест взойду, но никогда не приму вашей веры, никогда не буду агитировать людей идти по вашему пути, по прямому пути к антихристу.

М а к с и м: Примешь! Когда дело до креста дойдет, тело воспротивится. Не терпит оно страданий и мук!

О т е ц А л е к с а н д р: Не приму! (Отвернулся от Максима и вышел).

М а к с и м (вслед ему зло и ехидно): Проверим... Крест нам организовать не долго.

Сцена 4

Церковная площадь. Возле паперти толпа крестьян. Среди них Егор и Ванятка с Андрюшкой. Сквозь толпу к паперти быстро и решительно проходят командир продотряда Маркелин, за ним – два красноармейца в буденовках и Мишка Чиркунов. У Маркелина в руках плетка. Решительно поднимаются на паперть, поворачиваются к толпе. Из церкви к ним вышел комиссар Максим.

М а р к е л и н (вскинув руку с плеткой): Товарищи! Дорогие мои! Два года Красная Армия ведет непрестанную борьбу со всеми врагами трудового народа. Два года без устали отражает нападение своих и иностранных бандитов, стремящихся вернуть помещикам землю, капиталистам фабрики и заводы. Несмотря на все препятствия, до сих пор нам удавалось накормить, обуть и одеть доблестную Красную Армию, спасти от голода и холода население центра Советской России... Все, что нужно нашей героической Красной армии – мы дадим! Без полной поддержки тыла Красная армия не может вести решительной и энергичной борьбы с мировыми хищниками. Наш боевой девиз: всё для Красной армии, всё Красному фронту! Чем скорее, тем лучше! Да здравствует всемирная пролетарская революция! Да здравствуют вожди Революции товарищи Ленин и Троцкий! (Он опустил руку. Народ молчал. На некоторое время наступила тишина). Да, забыл сказать... Вам нужно сдать дополнительно к продразверстке по двадцать одному яйцу с десятины, по двадцать пять фунтов хлеба и по двадцать фунтов картошки с едока...

Толпа охнула, колыхнулась, зашумела.

1 – ы й к р е с т ь я н и н: Почему?

2 – о й к р е с т ь я н и н: Мы выполнили!

З – и й к р е с т ь я н и н: Все сдали!

М а р к е л и н: Тихо! Говорю, дополнительно и добровольно! В подарок Красной армии!.. Говорите по одному, и сюда! Я лицо контрреволюционера хочу видеть. Глаза в глаза!

Крики прекратились.

1 – ы й к р е с т ь я н и н: Товарищ, товарищ, я спросить хотел...

М а р к е л и н: Поднимайся сюда.

1 – ы й к р е с т ь я н и н: Не, я отцеда, я не нащот Красной армии... Она тоже исть хочить. Я нащот товаров... По указу обещано нам, коль мы разверстку исполнили, мануфактуры два аршина, карасину поболе двух фунтов на едока...

М а р к е л и н: Я понял... Какое число сегодня, знаешь? Двадцать пятое февраля, а в указе сказано – выдать до первого августа!

1 – ы й к р е с т ь я н и н: Ну да, ну да, это карасин и мануфактура... Месяц ишол, а где жа четвертушка фунта соли, полкоробка серников. Каждый месяц обещано давать... Ты не подумай чаво, я не контрреволюция... Соли нету...

М а р к е л и н: Будет вам соль, в конце марта за два месяца получите... Ну, так что, согласны сделать подарок Красной армии? Давайте по домам. И срочно сюда, к церкви, хлеб, картошку, яйца. И пять подвод, чтоб отвезти на сыпной пункт.

2 – о й к р е с т ь я н и н: Не согласны! Нету хлеба! Вымели под гребло. Хучь с сумой иди...

З – и й к р е с т ь я н и н: Почему в Киселевке по восемь фунтов хлеба взяли, а с нас двадцать пять? Мы рази богаче? Где Докин? Почему его нет? Где советчики? Мы их на чо выбирали!

М а р к е л и н: Я арестовал ваш кулацкий Совет за контрреволюционную агитацию. Мы их будем судить революционным судом!.. Потому, прежде чем вы пойдете за хлебом, нужно избрать нового председателя сельского Совета. Я предлагаю кандидатуру Чиркунова Михаила Трофимовича! Кто против этой кандидатуры, поднимите руку! И повыше!

2 – о й к р е с т ь я н и н: Не жалаем дезентира!

М а р к е л и н: Кто крикнул?! Кто? Выйди сюда! Найти крикуна! (вытянул он руку с плеткой в ту сторону, откуда крик раздался).

Два красноармейца слетели с паперти, ввинтились в толпу.

З – и й к р е с т ь я н и н: Здесь крикун! Вот он!.. Сюда идитя... Ага, он. Держи его, держи крепче...

Гул, шелест по толпе прошел. Красноармейцы тащи-ли человека, и почему-то их сопровождал сдержанный смешок. Улыбнулся и Егор, когда увидел, кого тащат красноармейцы. В их руках бился, вертелся деревенский дурачок. Он сопел, упирался ногами, высунув мокрый язык, сопатился. Красноармейцы подтащили его к ступеням, на паперть поднимать не стали.

М а р к е л и н: Это ты крикнул?

Д е р е в е н с к и й д у р а ч о к: Ага! (Он рукой размазал по щеке сопли).

М а р к е л и н: А что ты кричал? Крикни-ка еще раз.

Д у р а ч о к: Не жалаем дезентира.

Снова смешки раздались.

М а р к е л и н: Отпустите его... Выборы состоялись! Большинством голосов председателем сельского Совета избран Чиркунов Михаил! А Совет он себе подберет сам. Теперь расходитесь. Жду вас с хлебом...

1 – ы й к р е с т ь я н и н: Где мы его возьмем? Всё сдали!

М а р к е л и н: Товарищи! Я не понимаю вас, в Красной армии ваши же сыны, братья. И вы не хотите, чтобы они были обуты, одеты, накормлены? Товарищ красноармеец, (вытянул руку с плеткой Маркелин в сторону Егора) да, ты, ты! Поднимись, Расскажи, в каких условиях сражается Красная армия! Иди, иди...

Егор смутился, оглянулся растерянно.

1 – ы й к р е с т ь я н и н (Егору): Иди, просят.

Анохин нерешительно поднялся на паперть.

М а р к е л и н (Егору): Коммунист?

Е г о р: Да...

М а р к е л и н: Ну, вот и врежь им по-партийному!

Растерянный Егор стоял на паперти, глядел на молчаливую толпу.

М и ш к а Ч и р к у н о в (Егору): Расскажи, какова на фронте житуха.

Е г о р: Да, жизнь на фронте не сладкая. Пирогов в постелю не подают...

2 – о й к р е с т ь я н и н (с ехидным смешком): Оратель выискался!

Е г о р: Да, пирогов не подают! Да и постеля не каждый день бывает. Ляжешь у костерка на шинелюшку, да шинелюшкой и укроешься. И холод, и голод – все бывало. И под пулями, под пулями... Без вашей помощи мы ничего не сделаем, не поборем белых хищников. Нужен хлеб, мужики, нужен...

1 – ы й к р е с т ь я н и н: И нашим детям нужен! Нам тоже с голодухи пухнуть неохота... Мы с твоим отцом в поле хрип гнули, а Маркелин прискакал – и под гребло. Мякину оставил! И ту забрать хочить... Ловок ты лялешничать!.. Нету хлебушка у нас, весь выгребли, пока ты сашкой махал!

Егор хотел сойти с паперти, но Мишка ухватил его сзади за руку, приобнял, отвел за спину к Маркелину:

М а р к е л и н (яростно 1-му крестьянину): Ты мне контру не разводи! Выпорю!

1 – ы й к р е с т ь я н и н: Зна-ам мы, скор на руку... Не думай, не век тебе царевать, дойдет и твой черед!

М а р к е л и н: Что-о! Выпороть! Сейчас же.

Красноармейцы с готовностью скатились с паперти, подхватили деда под руки. Один из них поймал на лету брошенную Маркелиным плетку. Деда кинули на скамейку, содрали штаны, взвилась плетка, и багровый рубец проступил на серой коже старика. Дед дернулся. Снова взвилась плетка.

М и ш к а Ч и р к у н о в (Егору): Рад тебя видеть, рад... Насовсем?

Е г о р: В отпуск. Ранен...

М а к с и м: Меня зовут Максим. Комиссар продотряда... А это мой командир, товарищ Маркелин.

Е г о р: Егор Анохин, командир эскадрона, (пожал руку Егор сначала Максиму, потом Маркелину). В отпуске по ранению...

М а р к е л и н (Егору): Я сразу понял, что ты Егор Анохин, потому и позвал тебя сюда.

Е г о р: Откуда ты обо мне знаешь?

М а р к е л и н: Слышал... Максим тебе потом объяснит. Это его дело... Ты хорошо выступил, не переживай. Я тоже, когда в первый раз перед народом встал, язык проглотил. А теперь часами могу беседы вести, да некогда, деревень много, а народ, вишь, какой – кулаки, добром не отдают хлеб, каждый фунт вышибать надо...

М и ш к а Ч и р к у н о в (Маркелину): Кстати, Егор сын Игната Анохина, члена сельского Совета.

М а р к е л и н: Игната?.. Беспокойный мужик... (Маркелин заметил, что Егор морщится, страдальчески смотрит, как извивается на лавке дед под кнутом). Мужика пока не выпорешь, он не поймет, что от него требуется... (Крикнул своим псам) Довольно! (Потом заорал в толпу) Сход закончен! В течение двух часов чтоб каждый двор сдал яйца, хлеб, картошку... Найдете! А не найдете, я найду! Кто не привезет, пусть пеняет на себя!

Он повернулся спиной к крестьянам.

М а р к е л и н (Мишке): Пожрать надо сообразить что-нибудь... У кого, ты говоришь, сальцо есть, огурцы соленые? Давай, командуй, кто у тебя тут из ребят пошустрей?

М и ш к а Ч и р к у н о в (Андрюшке Шавлухину): Андрей, поди сюда.

Андрей Шавлухин взбежал к ним на паперть.

М и ш к а Ч и р к у н о в: Хочешь быть членом сельского Совета, а?.. Ага, вижу – хочешь... Ты комсомолец – справишься! Первое тебе задание: надо реквизировать у Алешки Чистякова соленые огурцы, так, так...

М а р к е л и н: Пятьдесят штук.

М и ш к а Ч и р к у н о в: Пятьдесят штук огурцов и три фунта сала.

М а р к е л и н: Мало, пять. Скажи, реквизиция производится по указанию уездного Совета.

А н д р ю ш к а: А если не поверят?

М а р к е л и н: Скажи, распоряжение у Маркелина (он поднял вверх плетку), если сомневаются, сам заеду, покажу, неделю чесаться будут.

А н д р ю ш к а: А к огурчикам и сальцу, естественно.

М а к с и м (захохотал, хлопнул по спине Мишки): Ну и орла ты выбрал! Парочку еще таких, и за Масловку я спокоен, (Шавлухину). И это, ессесно, да поскорей!

А н д р ю ш к а (Мишке Чиркунову): У кого, у Ольки Миколавны?

М а р к е л и н: Вонючий у нее, зараза... У нее завтра реквизиру-ем. Щас у Гольцова, у него почище и покрепче.

А н д р ю ш к а: Может, эта... Один я не донесу... Мне бы красноармейца... на первый случай, чтоб потом знали, а?

М а р к е л и н: Соображает, стервец! (красноармейцам, поровшим деда). Ребята, под его команду ровно на полчаса. Возьмите сани!

Крестьяне понуро расходятся. Егор тоже хотел уйти, но его взял за рукав шинели Мишка Чиркун.

М и ш к а Ч и р к у н о в: Идем с нами, посидим, полялешничаем.

М а р к е л и н (Максиму недовольным тоном): Что ты делал в церкви? Опять над попом измывался? Отстань от него, он вреда нам пока не делает.

М а к с и м: Вот именно, пока. Слышал бы ты, что он мне говорил.

М а р к е л и н: Я от него ничего плохого не слышал.

М а к с и м: Значит ты слушать не умеешь, или уши заложены... У тебя какая задача? Хлеб из мужика выколачивать, вот и пори его. А моя задача – идеология!

М а р к е л и н: Измывательство над невинным человеком зовется иначе.

М а к с и м: Ты хорошо делаешь свое дело, продолжай также, и не суйся туда, куда тебе не приказывают.

Сцена 5

Изба Чиркуновых. В избе раздеваются Маркелин, Максим, Мишка Чиркунов и Егор Анохин. Входит в избу Андрюшка Шавлухин: на плече – гармошка, под мышкой – четверть сизого самогона.

А н д р ю ш к а (весело докладывает Мишке): Приказ исполнен, вот оно, лекарство от всех скорбей! (Поднимает вверх четверть с самогоном).

М а к с и м (воскликает радостно): Ух ты, даже гармошка! Ну, ты, брат...

Мишка режет хлеб, сало, наливает в стаканы самогон. Отец Мишки, Трофим, худой мужик со спутанной бородой, увидев четверть, закричал на печи, развернулся, выставил зад в заплатанных штанах. Нашупал голой ногой гарнушку и, держась за грядущку печи, спустился на пол. Надел валенки с дырявыми носами.

А н д р ю ш к а (отцу Мишки): Чего ты валенки не подошьешь? Палец отморозишь.

Т р о ф и м: А-а, некогда.

А н д р ю ш к а (смеясь): Весь день на печи, а некогда?.. (Отвернулся к Максиму, заинтересовался его кобурой с маузером). Всем комиссарам маузеры выдают?

М а к с и м: Мне выдали. Но я еще всегда с собой браунинг ношу, на всякий случай (вытащил он из кармана браунинг и показал Андрюшке).

М а р к е л и н (поднимая стакан): Ну что, товарищи, за наше дело, за удачное завершение дня!

Выпили, стали закусывать солеными огурцами, салом, яблоками.

М и ш к а Ч и р к у н о в (Маркелину): Загнул ты с двадцатью пятью фунтами. Многовато. Скости... Хотя бы пятнадцать или на худой конец двадцать.

М а р к е л и н: Отступать не буду... Увидишь – привезут.

М и ш к а Ч и р к у н о в: А с Советом что ты хочешь делать?

М а р к е л и н: С Советом? Погляжу. Еще не придумал (взглянул на Егора). Не бойся. Оставляю я в живых отца... Но уговорить его надо. Слишком неугомонный. Много еще хлопот Советской власти принесет...

М а р к е л и н: Я уговорю, будь спокоен. И «Мирской приговор» он у меня враз выложить.

М а к с и м: С этим ты уж постарайся, не допусти схода.

М а р к е л и н: Эх, зарубку я им на память сделаю! Узнают, как Маркелину перечить!

Андрей Шавлухин улыбался, прислушивался к разговору, а сам потихоньку тянул гармошку туда-сюда у себя на коленях.

Т р о ф и м (Андрюшке): Чего ты пиликаешь, играть, так играй бодрей.

М а р к е л и н (Максиму): Максим, рвани-ка!

М а к с и м (взял гармонь, заиграл уверенно и громко запел): Крутится-вертится шар голубой... Эх-да! Крутится-вертится да над головой...

М а р к е л и н: Брось! Давай лучше «Цветы ЧеКа». (Объяснил всем) Мне его из ЧеКа дали. Маркелину кого попало не дают. Знают... Мне наш губпродкомиссар наказывал: не жалея родных мать-отца, когда задания партии выполняешь! И я не жалею.

Максим с шипением сдвинул меха гармони и запиликал, запел, играя своими черными бровями.

На вашем столике бутоны полевые
Ласкают нежным запахом издалека,
Но я люблю совсем иные,
Пунцовые цветы ЧеКа.

Максим пел озорно, легко, вздергивал черную бровь, подмигивал Андрею Шавлухину, который улыбался, глядя, как он играет, как поет.

Когда влюбленные сердца стучатся в блузы,
И страстно хочется распять их на кресте,
Нет большей радости, нет лучших музык,
Как хруст ломаемых и жизнью и костей.

Вот отчего, когда томятся Ваши взоры
И начинается страсть в груди вскипать,
Черкнуть мне хочется на Вашем приговоре
Одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять!»

А н д р ю ш к а: Ловко, а! (налил полстакана самогона и протянул Максиму). А с каких лет ЧеКа на работу примаает?

М а к с и м: В ЧеКа с улицы не берут. Нужны заслуги перед партией, народом. Поработай в Совете, поглядим, может, и ты удостоишься доверия... А работа вам нелегкая предстоит (взглянул Максим на Мишку Чиркуна). Разговаривал я утром с вашим попом. Нашу веру он ни в какую принимать не хочет, будет народ мутить, вот посмотрите. Нелегко вам придется...

М а р к е л и н: Отстань ты от попа, чего ты к нему пристал. Он тебя не трогает, и нам не мешает.

М а к с и м (строго): Он наш главный идеологический враг! И ты как коммунист и герой войны обязан это понимать. А ты постоянно выказываешь мягкотелость...

М а р к е л и н: Я мягкотел?! Да я этой рукой столько врагов порубал, сколько ты их по жизни не встречал.

М а к с и м: Верю, верю, все мы это знаем... На поле боя просто: вот он враг – руби его! А в жизни сложнее: глядишь – с виду нормальный поп, а заглянешь в нутро – смертельный враг. Ты спроси у него про попа, (указал на Мишку). Он с детских лет с ним общается. Скажи, (Мишке), друг нам или враг поп?

М и ш к а Ч и р к у н о в: Да, поп наш известная контра, но народ его любит, верит ему...

А н д р ю ш к а (хмельно и со смехом): А что же ты к этой контре сватался. Зятьком попа захотел стать.

М и ш к а Ч и р к у н о в (резко ударив Андрюшку по шее): Остынь! Щенок, голос прорезался!

А н д р ю ш к а: Ты чо! Я ж шуткую.

М и ш к а Ч и р к у н о в: Не шути со старшими!

М а к с и м: Правда, сватался к попу, а?

М и ш к а: По пьянке забрел.

М а к с и м: Ну и как поп, обрадовался такому зятюку?

М и ш к а: Он же не дурак, видит, что я по пьянке, ну и выпроводил...

М а к с и м: Да, жесткий поп, сломать его трудно будет. Он мне заявил, что на крест пойдет, но нашей веры не примет. Мне пришлось ответить – крест нам организовать не долго.

М и ш к а (хмуро): Будет кочевряжиться, организуем.

В избу входит красноармеец.

М а р к е л и н: Ну как там? Везут зерно?

К р а с н о а р м е е ц: Никто ни грамма не привез...

М а р к е л и н: Твою мать! Они запомнят, запомнят... Скачи в отряд! Разобейтесь по пяткам!.. Солодков со своим пятком в Вязовку! Ужанков – на Хутор! Трухин – на Масловку! Ивакин – в Крестовню! Юшков – в Угол! Быстро по дворам! Кто не сдаст хлеба, забирать всю скотину: овец, коров, лошадей, и гнать к церкви, в ограду. И быстро! Засветло надо сделать. Выполнять приказ!

Красноармеец выскочил из избы.

Е г о р (поднимаясь): Я пойду... скажу своим, чтоб сдали...

Сцена 6

Изба Анохиных. Мать разбирает козий пух на столе, на расстеленной шали. Сноха сидит на сундуке и вяжет из шерсти носки. Входит Егор.

М а р и я П е т р о в н а: Оратель явился... Где отец?

Е г о р: Арестованный... Со всем Советом... Отпустят... Мам, хлеб надо сдать... приготовить. Щас красноармейцы привалят...

М а р и я П е т р о в н а: У тебя он есть, хлебушек, ты и сдавай! Щедрый какой... Где его взять-та. Сами однем кулешом перебиваемся... За семенной браться? По-жрать, а потом зубы на полку? Так?

Е г о р: Ничего рази нет?

М а р и я П е т р о в н а: Глянь, поди, в ларь... Пусто! До зернышка выгре-бли. Сроду такого не было.

Е г о р: А как же быть? Они сейчас всю скотину заберут.

М а р и я П е т р о в н а: Как заберут? Куда? Кто им даст?

Е г о р: Не спросят. Приказ Маркелина... Собрать в ограду церкви, и держать, пока не сдадите...

М а р и я П е т р о в н а: Как же так? Майке телиться скоро...

Е г о р: Вот и отелится... в снег. Да и с отцом как бы чего... если заартачимся...

С улицы шум донесся, крики, блеяние овец. Егор глянул в окно.

М а т ь (тяжело опираясь на колени, подошла к окну, посмотрела, перекрестилась): Царица небесная, заступница ты наша, когда же кончится эта мука! Господи, за какие же грехи ты нас наказуешь! Чего же мы сами исть будем, чем же питаться? Святым духом...

Она, вытирая глаза, горбясь, двинулась в сенцы. Егор пошел следом.

Сцена 7

Двор крестьянина Гольцова. Слева – дверь в сарай, возле которого стоят два красноармейца и Максим, улыбаются, смотрят направо за сцену. В центре – стог сена. Раздается нестройный залп.

К р и к з а с ц е н о й: Советчиков расстреливают!

Из-за сарая выскочил мужик с растрепанной бородой, в исподнем – в нижней рубаше и в кальсонах. Бежал он боси-ком, держал в охапке полушубок, валенки и другую одежду. Это Игнат Алексеевич Анохин. Навстречу ему выскакивает Егор Анохин и бросается к трясущемуся от холода и страха отцу, помогает ему надеть полушубок, валенки.

К о м а н д а з а с ц е н о й: Взвод! Пли!

Треснул залп.

К р и к з а с ц е н о й: Еще одну сволочь расстреляли! Тащи другую!

Егор кинулся к сараю. Навстречу ему от стога сена два красноармейца с веселыми лицами оттаскивали, волочили за руки мужика, который, как и отец, был в исподнем. Анохин бросился на красноармейцев. Подскочил, врезал одному бойцу в челюсть. Тот упал навзничь, выпустил мужика. Егор сцепился с другим, оба покатались на пол. К ним кинулись от сарая красноармейцы, растащили. Егор извивался на полу, бил ногами. На него навалились, придавили к полу.

К р а с н о а р м е е ц (Егору): Очумел, вахлак! Мы шуткуем! Смотри, очухался твой мужик. В омраке он, со страху! Вверх палили...

Анохин перестал биться, сел. Лежавший на спине мужик, которого тащили от омета бойцы, зашевелился, перевернулся набок. Он оглядел всех белыми глазами, потом поднялся, опираясь о сцену руками.

Шум возле сарая отвлек от мужика. В распахнутую дверь выскочил из полутьмы сарая Петька Докин, председатель сельского Совета, без шапки, с редкими короткими седыми волосами и широкой бородой. В руках у него – винтовка. Выскочил, ткнул штыком стоявшего у двери Максима, бросил винтовку и кинулся мимо сарая за омет. Максим шарахнулся от него назад, пятась, ухватился за ствол винтовки, споткнулся, упал, но тут же вскочил, перехватил винтовку за приклад и стал целиться в убегающего Докина. Хлестнул выстрел... Над головой Анохина захлопали выстрелы. Красноармейцы, кто стоя, кто с колена били по бегущему председателю. Упал на четвереньки Докин. А выстрелы все хлопали.

Оглянулся Докин напоследок и ткнулся седой бородой в землю. Затих.

Егор поднялся, дрожа и покачиваясь, побрел к отцу мимо сарая. Внутри, в полутьме что-то делали люди, слышались негромкие голоса.

1 – ы й г о л о с: Железным прутон он их... В сарае валялся. Ох, не заметили мы...

2 – о й г о л о с: Тащи их на свет!

1 – ы й г о л о с: Теперь им все равно: что свет, что тьма.

2 – о й г о л о с: А может?..

1 – ы й г о л о с: На можа плохая надежа.

Из сарая вытащили, положили на землю двух красноармейцев с пробитыми головами, с залитыми кровью лицами.

Егор подошел к отцу, сидевшему на земле и по-прежнему дрожавшему, помог ему подняться.

Сцена 8

Изба Анохиных. Мать и сноха Любаша по-прежнему заняты каждой своей работой. Мать перебирает пух, сноха вяжет. Николай и Ванятка на полу плетут вершу из ветловых прутьев. Николай сидит на старом полушубке, вплетает первые прутья к обручу. Распахивается дверь в избу, Егор почти втаскивает в комнату дрожащего, растрепанного, еще не пришедшего в себя отца. Мария Петровна вскакивает навстречу им, Николай с удивленным видом поднимается медленно.

М а р и я П е т р о в н а: Ой-ой-ой!

Егор (помогая отцу раздеться): Мам, самогонки ему налей.

Мать метнулась к суднику, зазвякала стаканами. Любаша бросилась ей помогать, собирать на стол еду.

Н и к о л а й: Что случилось? Маркелин выпорол?

Е г о р: Хуже... Председателя сельсовета расстреляли...

М а р и я П е т р о в н а: Докина?

Е г о р: Докина. А остальных членов Совета в виде шутки расстреливали...

Н и к о л а й: Как это?

Е г о р: Пугали. Раздевали на морозе до исподнего и к стенке... а стреляли вверх... Я услышал выстрелы и туда. Гляжу, отец весь белый, еле живой, босиком по снегу навстречу летит... Вот что придумали, а?

М а р и я П е т р о в н а: Ой, Господи!.. Садитесь, садитесь за стол, согреться надо поскорее...

Выпили. Закусывали молча, хмуро.

И г н а т А л е к с е е в и ч (положил ложку на стол, перекрестился и тяжело вздохнул): Нет. Жить так дальше нельзя.

М а р и я П е т р о в н а (не громко и хмуро): Не нам решать...

Перекрестилась, выйдя из-за стола, и взяла пустую чашку, понесла ее к суднику.

И г н а т А л е к с е е в и ч: Нам! Вот именно нам! Как Маркелин уйдет из Масловки, надо сход собирать, «Мирской приговор» примать и в Москву его. Иначе на этих... управу не найдем... Егорша, ты вот что, ты грамоте шибко обучен, (поднялся он, открыл сундук, достал школьную тетрадь и протянул Егору) среди командиров повращался, посмотри свежим глазом, ладно ли мы написали? Можя подправить что, переиначит?

Любаша стала помогать матери убирать со стола.

Егор пересел с табуретки на сундук и открыл тетрадь. Николай встал, перекрестился на икону и подсел к брату. С другой стороны рядом с Егором пристроился Игнат Алексеевич.

Е г о р (читает вслух): «Мирской приговор»! Мы ждали после падения барского режима счастливой вольной жизни, а между тем после недолгой передышки видим, как в новом виде восстанавливаются все тягости и весь гнет старого строя. Мы решили поэтому изложить все наши горести, обиды и жалобы по пунктам... (приостановился, глянул на отца). Лучше, должно, надо сказать после падения царского режима, а не барского.

И г н а т А л е к с е е в и ч: Не в этом суть. Читай дальше.

Е г о р: В поставленных над нами властях мы почти не видим знающих и понимающих наше земельное хозяйство людей, а чаще встречаются никчемные, бесхозяйные, неумелые люди, настоящие никудышники, которые во все мешаются, все путают, злоупотребляют своей властью, не отдавая нам никакого отчета и не зная над собой управы. Никто их не уважает и настоящей властью считать не может... Это правильно, (снова глянул на отца). Какой из Мишки хозяин, а сопляк Андрюшка член совета. Смех, издевка над народом, (ухмыльнулся и начал читать дальше). Всего хуже приходится всем нам, простым людям, от господ в кожаных куртках, зовущих себя агентами чрезвычайных комиссий. Эти ведут себя с нами, словно завоеватели в покоренной стране, и от них никто не может чувствовать себя в безопасности. Над ними нет никакого закона, а их произвол – всем закон...

М а р и я П е т р о в н а (сердито мужу): Ты чаво затеял? Мало вас Маркелин учил? Чаво затеял-та? Сам, старый вергугуй, в петлю лезешь и сынов тянешь. Сынов не путай...

И г н а т А л е к с е е в и ч: Отвяжись!

М а р и я П е т р о в н а: Сам лезешь, сынов не путай!

Егор прочитал, закрыл тетрадь.

И г н а т А л е к с е е в и ч: Ну как?

Е г о р: Тут у вас обращение к крестьянам других деревень, а как они узнают? А рабочие?

И г н а т А л е к с е е в и ч: Если сход согласится, по деревням пойдем, читать будем... Сумлеается кое-кто, надо ли?

Е г о р: Вот и я...

И г н а т А л е к с е е в и ч: Надо-надо! Моготы нет терпеть. И просвета нету. Покуда весь народ слова не скажет, так и будет править лихо на Руси. Ежли власть трудового народа, пущай народ и правит, а не под Маркелинскую плетку пляшет. Мы решим, решим!

М а р и я П е т р о в н а: Сынов, говорю, не путай...

И г н а т А л е к с е е в и ч: Ты зачем на паперть полез, а? Если б не расстрел, я б с тобой чикаться не стал, не одну б хворостину измутьызгал о хребет, неповадно чтоб было...

Е г о р: Я не сам, вытянули.

И г н а т А л е к с е е в и ч: Вытянули его... Головы нет? И с этим... Чиркуном не вожжайся, подальше держись. Никудышный он человек. Поплачет из-за него народ, ой заплачет... И эта... боле на сход не вздумай явиться. Знай дело свое, ты отпускник, отдыхай, копи силы,

а к нам не лезь. Ты отстал... оборкаться не успел, да и не к чему... тут без тебя жисть кутыркнулась, раздрызганная стала, все, как слепые посеред леса, один туды тянет, другой сюды. Никто не знает, где дорога, а все указывают. Иной, скороземельный, таким соловьем поет, точно, мол, знает, за каким бугром рай, заслушаешься, бегом бежать следом охота, а приглядишься... Неча те делать на сходе, отдыхай. Сами как-нибудь расхомутаемся, с матерей будь... Вершу помогай Николаю плести. Верша – это хорошо. Весной жрать нечего будет. Мож, рыбкой перебиваться будем...

Сцена 9

Двор Гольцова. Вечер. Полумрак. Егор и Настя стоят молча обнявшись возле угла сарая.

Е г о р: Касаточка ты моя! Как я тебя лелеять буду!

Донесся скрип двери от избы попа, и они отпрянули друг от друга, оглянулись на избу.

Е г о р (шепотом): Отец?

Н а с т я: Не знаю... Вряд ли. У нас сейчас полно незваных гостей.

Е г о р: Кто?

Н а с т я: Комиссар с красноармейцами, Мишка Чиркунов и этот... комсомолец Андрюшка.

Е г о р: Зачем они явились?

Н а с т я: Пить самогон.

Е г о р: Я считал, что продотряд в Мучкап ушел. Сам видел, как они уходили с обозом.

Н а с т я: Это Маркелин зерно повез, а комиссар остался с тремя бойцами. Утром Маркелин сюда вернется с интернациональным отрядом латышей.

Е г о р: Зачем?

Н а с т я: Они говорят, что где-то рядом боевая дружина Антонова стоит, в Андрияновке, что ль. Маркелин туда заглянуть хочет с латышами...

Мишка Чиркунов осторожно выглядывает из-за стога сена и достает из кармана револьвер. Замирает. Потом поднимает револьвер и начинает целиться в них. Долго держал Мишка револьвер в вытянутой руке. Опустил. Вытер лоб, прислушиваясь к разговору Насти с Егором.

Настя (прижалась своей щекой к щеке Егора и шепнула): Какие у тебя щеки холодные... Долго ждал? Замёрз?

Е г о р: Ничего. Зато теперь на душе жарко... Отец сказал, что в воскресенье сватов придет. Два денечка всего осталось. Он сказал, что разговаривал с твоим отцом.

Н а с т я: Я слышала, как папа маме рассказывал об этом.

Е г о р: И что мама?

Н а с т я: Не против, только говорит, мало годков мне...

Е г о р: Ну да, мало. Восемнадцать уже исполнилось... А как к Мишкиному сватовству она отнеслась?

Н а с т я: Рассказали уже?

Е г о р: А как же... Первым делом... Сам-то он разговаривал с тобой, прежде чем свататься?

Мишка, сидя в омете, при этих словах Насти снова поднял револьвер, стал целиться в них.

Н а с т я: Говорил, проходу не давал... Я сказала ему, чтоб он сватов не слал. И себя, и нас в неудобное положение не ставил. Лишние сплетни... Но он прислал. Мама сказала сватам, что молода я еще, да и время сейчас не свадебное...

Е г о р: А вздыхаешь чего? Мишку жалко? Жалко, что отказала?

Мишка в омете опустил револьвер, прислушиваясь.

Н а с т я (прикрыла ладонью Егору рот): Что ты мелешь?

Е г о р: А ты чего вздыхаешь?

Н а с т я: Долго свадьбы ждать... Пост только начался. До пасхи далеко. А по нынешним временам день – год. Один день всё перевернуть может... Папа опасается, что церковь закроют, а его сошлют на Соловки. Ходят такие слухи по Борисоглебску. И нынешний комиссар, хоть и в гостях у нас, а всё пытается поддеть папу, унижить. Горько...

Г о л о с: Вот они где, голубки!

Подшли двое. Красноармейцы из продотряда. Один – высок ростом, мордастый, другой пониже, вертлявый, шустрый.

Ш у с т р я к (посмеиваясь): Долго вас искать пришлось... Нагулялись? Пора баиньки. (Егору). Ты, длинноногачий, дуй домой... Мамаша заждалась!

Е г о р: Сейчас провожу и пойду.

Ш у с т р я к: Да не, ты не понял... Ты иди спать, а ей еще рановато. Ступай добром, будь щедрым, попользовался – другим дай...

Шустряк ухватил Настеньку за руку.

М о р д а с т ы й (сильно толкнув Егора в грудь): Ступай, ступай!

Егор от удара попятился и, закипев, со всей силой двинул в круглое лицо красноармейца. Боец охнул, схватился за свое лицо, согнулся, а Анохин кинулся к Настеньке и шустряку, сцапал того за шиворот, легко рванул к себе, оторвал от девушки.

Е г о р (Насте): Беги!

Настя убегает.

Шустряк ужом вывернулся из рук Егора, и мордастый очухался. Анохин бил их, они били его. Егор наконец поймал, зажал верткого шустряка. Оба упали на землю. Мордастый пытался оттащить Анохина, скрутить. Втроем они, матерясь, хрипя, катались по снегу в темноте. Подбежали Мишка Чиркун, Максим, Андрей Шавлухин. Разняли, растащили дерущихся.

М о р д а с т ы й (гундосил, зажимал разбитый нос, грозил Егору): Я тебя придушу, гад!

Сцена 10

Дом священника. Прихожая. Накрытый стол. В комнате, за столом понуриив голову в одиночестве сидит отец Александр. Жена его и дочь Настя тревожно выглядывают из горницы, прислушиваются к шуму на улице. В прихожую вваливается вся компания: Максим, Мишка,

Андрюшка, Егор и оба красноармейца. Мать с дочерью сразу исчезли в горнице. Драчуны грязные, окровавленные. Мишка в избе захохотал, глянув на них.

М а к с и м (драчунам): Умойтесь, вояки! И мировую!

А н д р ю ш к а: Да, да, мировую!

Он стал разливать на столе, заставленном посудой с остатками еды, самогон в стаканы. В простенке за столом неподвижно застыл отец Александр.

Е г о р: Бывайте. Я домой!

М и ш к а Ч и р к у н о в: Погоди, погоди, а мировую с ребятами. Нет, так ты не уйдешь. Не хорошо! Давай, ребята, за мир! (поднял он стакан).

Выпи-ли все, кроме попа. Андрюшка и ему всунул в руку стакан, но отец Александр только подержал его в руке и поставил назад. Шустряк, узолицый, с маленьким носом и быстрыми веселыми глазами.

Ш у с т р я к: Был такой случай с моим приятелем в Тамбове, это я по поводу мировой...

М и ш к а Ч и р к у н о в (перебивая): Погоди! (Отцу Александру) Так, батюшка, на чем мы остановились, а? Перебили нас, собаки, на самом интересном месте... (Мишка оглянулся на дверь в горницу, поглядел долгим взглядом).

Отец Александр не ответил, усмехнулся как-то снисходительно и горько.

А н д р ю ш к а: Ты говорил – царя скинули, Бога отменили.

М и ш к а Ч и р к у н о в: Верно! Царя нет – свергли! Бога нет – упразднили... Теперь я царь и Бог. Я! (ткнул себе в грудь) Я казню и милую! Вот комиссар для меня указ, но здесь, в Масловке, теперь я Бог! Я царь и Бог!

О т е ц А л е к с а н д р: А тебе не страшно?

М и ш к а: Кого?

О т е ц А л е к с а н д р: Вседозволенности...

М и ш к а: Кого, кого?.. Мне никого не страшно! Хошь, я завтра церковь закрою? Хошь?.. Я и тебя могу отменить...

Шустряк (насмешливо): Не верит он. Гля-кошь, смотрит как? Мол, плетешь с пьяной головы. Бог и царь он...

М и ш к а (шустряку): Не верит? А ты веришь?

Ш у с т р я к: Докажи – поверю!

М и ш к а: Я докажу, прям щас докажу... Ответь мне, батюшка, где твой Бог, где твой Христос с его правдой? Почему не поразят нас, тех, кто его отменил? Почему?

О т е ц А л е к с а н д р: Бог милосерден... Каждому дает срок одуматься. А от суда никому не уйти... Время придет – накажет...

М и ш к а: Не плети! Ты ответь, где правда Христова? Почему ее нет на земле?

О т е ц А л е к с а н д р: Если правда Христова не осуществляется в мире... то в этом повинна не правда Христова, а неправда человечья...

М и ш к а: Как, как? Значит, есть правда Христова?

О т е ц А л е к с а н д р: Есть!

М и ш к а: Ага! Хорошо. Как там Христос говорил: возлюби ближнего своего. Это Христова правда... Ты, служитель Божий, несешь нам его правду. Значит, сам ты веришь в правду Христову и обязан следовать ей. Я твой ближний! Но я отменил твоего Бога, я для тебя гадок,

мерзок. Но по правде Христовой ты любить должен врага своего, а друга любить ничего не стоит... Любишь ты меня, а? Ответь! Отвечай... (Мишка отчего-то разъярился, схватил обеими руками попа за грудки, притянул к себе и скрипнул зубами). Любишь?

О т е ц А л е к с а н д р: Люблю... Ты не знаешь сам, что творишь.

Мишка оттолкнул, бросил попа на лавку и повернулся ко всем сидевшим за столом, засмеялся хрипло.

М и ш к а: Слыхали, он меня любит! (и опять повернулся к отцу Александру). Бога нет, дурак! Я – Бог! Где он, твой Бог, где?.. Пусть придет, накажет меня. Позови его! Если он всеведущ, почему он не заступится за тебя, верного слугу своего? Ну! Я плюю на твоего Бога, я на тебя плюю.

Чиркун харкнул в лицо попа.

Отец Александр молча вытерся рукавом.

М и ш к а: И теперь любишь?

Е г о р: Отстань от него, слышь? Он тебя не трогает!

М и ш к а: Ты кого защищаешь? Ты коммунист или кто?.. Или уже зятком попа себя чувствуешь?! (выкрикнув это, Мишка быстро оглянулся на дверь в горницу, снова схватил попа за грудки, поднял с лавки). Я тебе сейчас докажу, что я судьбы вершу, а не Бог. Ты поймешь, что Бога нет! Я щас с твоей дочерью грех совершу.

Чиркун отбросил, оттолкнул попа назад и широко и уверенно шагнул к двери в горницу.

Егор вскочил, рванулся к нему, но мордастый подсек ногой сзади, сбил его на пол, навалился сверху. Веселый шустряк кинулся к ним. Они с грохотом свалили лавку, разбили стакан.

Отец Александр вскочил, но сидевший рядом с ним Максим, схватил его за плечо, и ткнул в бок стволом маузера.

М а к с и м: Сидеть, батюшка, сидеть! Твой Бог испытывает тебя! Терпи! Теперь уж что Бог даст... вместе посмотрим! Одному Богу, если он есть, известно, что будет дальше!

Мишка помог мордастому и шустряку связать, стянуть руки Егора длинной утиркой, заткнуть рот тряпкой. И направился в горницу.

Анохин бился на полу, сопел. Кровь из носа текла по щеке.

Из горницы визг доносился, крики. Вылетела попадья, упала у порога. Вскочила и снова рванулась в горницу, но мордастый обхватил ее сзади руками, вытолкнул в сени, закрыл двери и вцепился в ручку, не давая открыть. Шустряк с веселым лицом стоял посреди комнаты, следил в раскрытую дверь за тем, что творится в горнице, улыбался сладострастно.

Ш у с т р я к (весело в горницу): Помочь?

Но с места не сдвинулся.

Анохин что есть мочи рванулся, стараясь вырвать руки, мотнул головой, но не смог освободиться.

Ш у с т р я к (сильно ударив его пинком в бок): Лежи! Не рыпайся!

Егор перестал биться на полу, понял, что не вырваться. Только по-прежнему дергал туго стянутыми руками, ослаблял узел. Слезы лились, смешивались с кровью.

Из горницы возня доносилась, утробный, приглушенный хрип.

О т е ц А л е к с а н д р (крестясь на иконы): Восстань, Господи, во гневе Твоем. Подвигнись против неистовства врагов моих, пробудись для меня на суд, который Ты заповедал. Внемли гласу вопля моего, Царь мой и Бог мой! Ибо я к Тя молюсь. Господи, не удаляйся от меня: сила моя! Поспеш на помощь мне!

В горнице стало тихо, так тихо, что быстрый шепот священника страшно звучал в тишине. И все замерли. Егор открыл глаза.

Андрюшка сидел, опустив голову.

Мордастый наливал в стакан самогон.

Шустряк по-прежнему стоял посреди комнаты и наблюдал с полуоткрытым ртом за тем, что происходит в горнице.

Только Максим сидел спокойно, улыбался насмешливо и ехидно.

Шелест одежды, позвякивание пряжки ремня донеслось из горницы, шаги.

О т е ц А л е к с а н д р: Псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои...

Мишка появился на пороге, затягивая ремень. Алая морда его с близко посаженными маленькими глазками поцарапана. Подпоясывался, глядя на бормочущего священника.

М и ш к а: Не клеветщи, не обманывай Бога... Пока не пронзили. А это идея!

Ш у с т р я к (рванувшись в горницу): Теперь я пойду.

М и ш к а (оттолкнул его и прикрыл дверь в горницу): Погоди!

Шустряк обиделся, скосомордился, отошел к столу. Чиркун налил самогона в стаканы себе и шустряку. Выпил, крикнул:

М и ш к а: Пейте, ребята!.. Андрюшка, ты чего смухордился? Разливай, пей да гляди веселей... А ты чо, батюшка, бороду опустил? (Мишка ухватил отца Александра за бороду, поднял голову ему). Ну, понял теперь, что Бога нет? Я – Бог! Молись мне! Ну, на колени – и молись! Бей поклоны! Благодарю за то, что я, Бог, снизошел до твоей дочери! Молись, чтоб родила Бо-жьего сына...

Он дернул попа за бороду, потянул вниз, заставил согнуться, но отец Александр не встал на колени. Мишка ударил его левой рукой по лысому затылку.

М и ш к а: Вставай! Молись вслух, чтоб все слышали! (Бороду из руки не выпустил. Поп изогнулся, но не вставал на колени, морщился, молчал). Не хочешь? Не хочешь признать меня Богом? Не веришь? А где же тогда твой Бог?.. Вставай! (Мишка сильно рванул его за бороду вниз и отпустил. Поп упал. Чиркун пнул его ногой). Нет, я тебя заставлю отречься от твоего Бога. Ты будешь молиться мне!

Егор дергался на полу, рвал руки, тужился, стараясь их освободить. Кровь из носа по-прежнему текла, смешивалась со слезами.

М и ш к а: Андрей, найди молоток-гвозди в сенцах, быстро! (Священнику) Щас мы испытаем твою веру, как Христа распнем.

Максим по-прежнему снисходительно улыбался, глядя на Мишку и священника.

Андрюшка бросил огрызок огурца на стол и как-то суетливо побежал в сени. Двери оставил открытыми. Вернулся с молотком, гвоздями, протянул Чиркуну. Мишка взял. Он отхлебнул из стакана, взглянул исподлобья на шустряка, смотревшего на него, насмешливо и недоверчиво. Остальные красноармейцы отводили глаза, даже Андрюшка Шавлухин сел за стол белый, напряженный.

М и ш к а: Хэ, ну, батюшка, отрекаешься от своего Бога? А? Будешь молиться на меня?

Отец Александр покачал головой, торопливо, решительно поднялся с лавки, перекрестился широко, быстро говоря:

О т е ц А л е к с а н д р: Храни мя, Боже, ибо я на Тя уповаю! Да не скажет враг мой: «я одолел его». Да не возрадуются гонители мои, если я поколеблюсь! (перекрестился, спросил у Чиркуна). Где крест мой?

Мишка снова растерялся.

М и ш к а: Жалкую, что ночь! Быстренько бы сварганили крест... Но я тебя на стене распну. Становись! (указал на беленую мелом перегородку, отделяющую прихожую от горницы).

Священник послушно шагнул к стене мимо лежавшего на полу Егора, прижался к ней спиной, раскинул руки. Глаза он закрыл, выставил широкую, с проседью, бороду. Шептал, молился про себя. Губы и борода шевелились.

Максим молча с заинтересованной улыбкой следил за происходящим.

М и ш к а (Шавлухину): Андрей, держи молоток! Пришипль его к стене!

Андрюшка схватил стакан со стола, глотнул торопливо. Но не пошел в него самогон, отпрыгнул, полезло из Андрея все, чем он закусывал. Зажал он рот и выскочил в сенцы.

М и ш к а (протянув молоток насмешливому шустряку): Может, ты возьмешься?

Ш у с т р я к: Ты Бог, ты и твори.

М и ш к а: Труссы, слабаки! Смотрите сюда!

Он подошел к священнику, подставил ржавый гвоздь к его растопыренной, прижатой к стене ладони, размахнулся молотком и с плеча врезал по гвоздю. Кровь брызнула на белую стену.

Мишка успел стукнуть еще раз.

Егор рванулся, что есть сил, выдернул руку из утирки, вскочил, и даже не ударил, отшвырнул Чиркуна к суднику. Красноармейцы мгновенно надели на Егора сзади. Анохин крутился, бился, мотал их по прихожей, сбивая табуретки, лавки.

В В дом священника ворвались Николай, Игнат Алексеевич и другие мужики. Комната заполнилась людьми. Треснул револьверный выстрел. Шум, крики.

Егор поднялся с пола. Прихожая была забита кричащими, суетящимися мужиками. Из сеней тоже шум доносился, возня. Втащили пьяного Андрюшку. Мордастого красноар-

мейца, Максима и Мишку тоже скрутили, связывали на полу. Плачущая навзрыд попадья под-
держивала у стены бледного священника, а брат Егора, Николай, пытался вытащить гвоздь.
Кровь текла из ладони. Наконец вырвал Николай гвоздь.

2 – о й к р е с т ь я н и н: Карасин несите! Рану промыть!

3 – и й к р е с т ь я н и н: И паутина нужна! Паутинки найдите на рану!

Стали промывать керосином рану, накладывать паутину, перевязывать чистой тряпкой.
Шум стоял в комнате по-прежнему.

Матерились, угрожали расправой красноармейцы.

Командовал мужиками Трофим Булыгин, плечистый крепыш с русой, короткой бородой,
с револьвером в руке, отобранным у Мишки.

Связанный Мишка лежал на боку возле судника. Увидев револьвер в руке Трофима, Ано-
хин кинулся к нему, в одно мгновение вырвал револьвер, оттолкнул мужика, заслонявшего
Мишку, и выстрелил. Трофим Булыгин успел опомниться, ударил снизу по руке Егора. Пуля
угодила в пустой горшок на суднике. Черепки посыпались на Мишку. Он крутнулся на полу,
увидев Егора с револьвером, направленным на него, сбил связанными ногами помойное ведро
с водой.

Мужики навалились на Анохина, отобрали револьвер.

И г н а т А л е к с е е в и ч (Егору): Ты чо, сбесился? А ну сядь! (Силой усадил он на лавку
сына).

Е г о р: Я убью его... все равно убью его.

В комнате стало тихо, стали слышны слова батюшки, стоящего на коленях перед обра-
зами.

О т е ц А л е к с а н д р: Господь, твердыня моя и прибежище мое, избавитель мой!
Ты испытал сердце мое, посетил мя ночью, искусил мя, и ничего не нашел; от мыслей моих
не отступают уста мои...

Мужики крестились вместе со священником. Николай встал на колени позади него, опу-
стились на пол и все мужики. Помолились они, воздали хвалу Господу.

Н и к о л а й (отцу Александру): Батюшка, что нам делать с арестованными.

О т е ц А л е к с а н д р: Бог им судья. Не уйдут они от суда праведного... Отпустить
надоть.

Т р о ф и м Б у л ы г и н: От Божьего суда они не уйдут. Это так. Но и власть должна их
дела оценить... Не надо отпускать. Запрет в сарае. А утром вызовем военкома из волости.

И г н а т А л е к с е е в и ч: Не, неча в волость. В Борисоглеб нада. И утра не ждать,
а прям щас!

Е г о р (оглядывая арестованных): А где еще один? Шустряк! (Он кинулся в горницу,
но попадья встала у двери, не пустила).

П о п а д ь я: Нету там его. Убег... в окно вылез...

Е г о р: А Настенька?

П о п а д ь я: Настеньке не до тебя! Уйди!

Действие второе

Сцена 1

Ночь. Изба Анохиных. Егор потихоньку поднимается, берет брюки с сундука, шашку, снимает с гвоздя шинель.

Н и к о л а й (громким шёпотом): Ты куда?

Е г о р (замерев на месте): На двор...

Н и к о л а й: погоди меня. (Встает, подходит к брату). Ты не гоношись, погоди малость. Я понимаю тебя... Но лучше действовать с ясной головой. Мишке Чиркуну не жить, это точно. Если не ты, то я его убью... Людоед не должен ходить по земле... Но не сейчас, не так... Утром посмотрим...

Николай умолк. Шум с улицы донесся, потом грохот в дверь. Стучали, били несколько человек, кричали:

Г о л о с а и з – з а с ц е н ы: Открывайте! Игнат Лексеич, Николай, Егор выходите добром... Избу спалим!

Сцена 2

Двор Гольцова. Сарай.

Анохиных втокнули в сарай, где было уже человек десять мужиков. Они сидели у стен, стояли, переговаривались мрачно, вполголоса.

2 – о й к р е с т ь я н и н: И чего теперь будет?

3 – и й к р е с т ь я н и н: Судить будут, чего...

1 – ы й к р е с т ь я н и н: У них суд скорый: пулю в лоб и к Богу в рай...

Т р о ф и м Б у л ы г и н: Не решатся... Мы ведь не убили никого. Скорее в концлагерь, в Тамбов отправят...

2 – о й к р е с т ь я н и н: Чикаться они будут с тобой... Бунт! Контрреволюция...

3 – и й к р е с т ь я н и н: Левольверт они у тебя забрали?

Т р о ф и м Б у л ы г и н: Забрали.

3 – и й к р е с т ь я н и н: Жалко.

Втолкнули в сарай еще двоих и закрыли, заперли дверь.

3 – и й к р е с т ь я н и н: Мужики, пошарьте, нет ли где сердечника? По-мните, Докин как?

2 – о й к р е с т ь я н и н: Шустер больно. Где он теперь, твой Докин!

Т р о ф и м Б у л ы г и н: Аким, а ты как сюда попал? Тебя, вроде, вчера у попа не было.

2 – о й к р е с т ь я н и н: За кумпанию.

3 – и й к р е с т ь я н и н: Скорее за язык. Тебя, Аким, язык до могилы доведет...

2 – о й к р е с т ь я н и н: А где Маркелин? Чиркунов? Чей-та их не видать?

1 – ы й к р е с т ь я н и н: Решают, как получше истребить нас.

3 – и й к р е с т ь я н и н: Господи, сколько же нам еще терпеть?

1 – ы й к р е с т ь я н и н: Говорять, большакам власть дана мучить народ сорок два месяца... Так в писании сказано...

3 – и й к р е с т ь я н и н: И сколько же осталось?

1 – ы й к р е с т ь я н и н: Тридцать третий месяц идет...

3 – и й к р е с т ь я н и н: Долго еще мучиться.

Т р о ф и м Б у л ы г и н (ощупывая стены сарая): Крепко строил Федька, ни щели нету... Мужики, а если крышу разо-братъ с той стороны. Там омет, вылезем, не заметят...

3 – и й к р е с т ь я н и н: Ага, не заметят. Видал их сколько? Только сунь-ся. Как Докин на Киселевский бугор загремишь!

Т р о ф и м Б у л ы г и н: Ну, вы как хотите, а я попробую... Подсадить меня, ага, вот так...

И сразу загремел запор. Мужики думали, что красноармейцы услышали, что крышу разбирают, но, когда открылась дверь, раздался зычный голос Маркелина.

М а р к е л и н: Выходи по одному! Живо!

Сцена 3

Двор Гольцова. Возле двери в сарай красноармейцы, неподалеку небольшая толпа баб и стариков, родственников арестованных. Маркелин, Максим, Чиркунов стояли отдельно. За ними с винтовками наготове красноармейцы.

М а р к е л и н: Становись здесь! (скомандовал, указал на стену сарая).

Вышли мужики из сарая, столпились у стены. Маркелин вытащил револьвер, шагнул к ним.

М а р к е л и н: Бунтовать?! Против власти народной бунто-вать?!

М а к с и м (спокойно): Кто Трофим Булыгин?

Мужики молчали. Трофим, стоявший позади, откликнулся.

Т р о ф и м Б у л ы г и н: Тута я...

М а к с и м (спокойно): Выйди вперед!

Трофим вышел вперед мужиков.

Максим быстро выхватил из кобуры маузер и выстрелил в Трофима. Тот упал. Мужики от неожиданности и мгновенного испуга шарахнулись к стене, плотнее сбились в кучу. В толпе родственников кто-то тонко и резко взвыл, колыхнулись люди, но красноармейцы выставили им навстречу винтовки со штыками.

М а к с и м (спокойно указывая стволом маузера на труп Трофима): Каждый из вас заслуживает этого! И в моей власти расстрелять вас как контру, как восставших против Советской власти.

М а р к е л и н (глядя растерянно и недоуменно на Егора, стоявшего среди арестованных): А как ты с ними оказался? (Повернулся к Мишке Чиркунову). Анохин тоже бунтовал?

Мишка отвел глаза, помедлил.

М и ш к а: Брательник его был... Вот его и взяли...

М а р к е л и н: А Егор при чем?

М и ш к а: Ни при чем... Случайно... должно.

М а р к е л и н: Егор! Иди сюда... Не обижайся... видишь, что делается. Кругом враги... (И заорал арестованным мужикам). Я прощаю вас на первый случай. Это Трофим вас на бунт подбил. Но в следующий раз пощады не ждите!.. А сейчас выкуп за каждого тысяча рублей – и можете быть свободны. (Повернулся к толпе родственников). Слышали все? Тысяча рублей выкупа за каждого. Жду – час. Кого не выкупят, расстреливаем!

Родственники арестованных шумели, галдели. Но кое-кто сразу отделился, заторопился домой за деньгами.

М а р к е л и н: Вы чо, не поняли? Я все сказал! Вы меня знаете.

Толпа быстро рассасываться стала.

Максим подошел к Егору.

М а к с и м (улыбаясь): Правильно тебя характеризовал военком. Нам такие нужны... Сегодня же в Тамбов поедem, у меня предписание насчет тебя.

Е г о р: Какое предписание? Почему раньше молчал?

М а к с и м: Приглядеться решил. Пригляделся, вижу, храбрый ты человек, но безрассудный. И опыта, и ума мало. Понятное дело: двадцать лет парню, о каком уме можно говорить. Но у тебя хорошее будущее впереди, старайся не быть безрассудным. Чую я, этим, (указал на Маркелина) в Масловке дело не завершится. Любая новая жизнь, любая новая вера может восторжествовать только после очищения кровью!.. Смотри, тебя какая-то женщина зовет.

Е г о р: Это мама...

М а к с и м: Ступай к ней... Только останься с нами!

Егор подбежал к матери.

М а р и я П е т р о в н а (дрожащим голосом): Егорша, как же нам быть? Где же я стока денег возьму?

Е г о р: Совсем нету?

М а р и я П е т р о в н а: Тысячу за отца наберу, да есть еще чудока, совсем чудока... За Миколая не хватит.

Е г о р: Лошадь... Чернавку продай... Наживем... и бы-стро.

М а р и я П е т р о в н а: Кому же? Кто ж купить?

Е г о р: Веди к Алексею Чистякову. Он на нее давеча зарился. Отдавай, сколько дасть... Беги... Меня, вишь, не пускают. (Повернулся, пошел к Максиму).

Арестованных мужиков загоняли в сарай.

Отец Трофима Булыгина, седой, косматый старик с густой бородой, обхватил вялый труп сына темными в черных трещинах руками и, тужась, тащил от сарая мимо сгрудившихся в кучу красноармейцев. Тащил молча, немо раскрыв волосатый рот, а из глаз по морщинистым щекам, по седой бороде обильно текли слезы и падали на грудь, на рубашку. Ноги Трофима в лаптях и обмотках вяло волочились по земле.

Громко выла, ползла на коленях по снегу за пятившимся Маркелиным старуха в ветхой фуфайке со многими заплатами, в худых валенках. Она поймала, обхватила ногу Маркелина, прижалась щекой к его черному сапогу, выла, визжала истошно:

Старуха: Сыночек, помилуй!.. Пощади, сыночек! Где же я стока денег возьму? Сроду у нас стока не было... Пощади!

Маркелин злой, дергал ногой, пытался освободиться, но старуха цепко впиявилась.

Митёк Павлушин (раскорячась в двери сарая, кричал старухе): Мама! (Его заталкивали, били прикладами два бойца продотряда). – Мама, у кума спроси! У кума Володьки! (Прокричал и плюнул в харю одному красноармейцу, нырнул во тьму сарая).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.